

Об этническом составе испанского народа

Автор: А. Н. Кожановский

Кожановский Александр Николаевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Согласно утвердившейся в нашей стране понятийно-терминологической системе, испанцы - это только один из проживающих в Испании народов. В научной литературе их порой называют "собственно испанцами", обозначая тем самым, что речь идет не обо всех местных жителях, а только об их части. Прочие народы Испании, как у нас традиционно считается, относятся к категории национальных меньшинств; наиболее известные среди них - баски, каталонцы, галисийцы, цыгане. В последние десятилетия на территории страны обосновалось несколько миллионов выходцев из других, главным образом, менее благополучных частей света.

В такой трактовке испанцы (собственно испанцы), как и все названные выше народы, понимаются как народы-этноты, то есть в каждом случае подразумевается "совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения"¹. Испанский этнос (нередко квалифицируемый как нация) характеризуется как численно, исторически и политически доминирующий. Ареал его расселения, в сравнении с другими народами Испании, - наиболее обширный, его язык является государственным языком страны.

Одним из первоочередных направлений либерально-демократических реформ после кончины в 1975 г. диктатора Франко стала децентрализация жесткой административной системы, становление самоуправления на всех уровнях. Согласно Конституции 1978 г. на территории страны возникли автономные образования (их официальное название - "автономные сообщества" ("comunidades autonomas")), которые получили весьма широкие полномочия в решении своих внутренних проблем. Местные языки были признаны официальными наряду с испанским (кастильским, как его обычно называют в пределах Испании) в границах соответствующих "сообществ". Все это трактовалось многими российскими авторами (особенно в годы "перестройки") как успешное решение национального вопроса в многона-

стр. 111

циональной Испании, осуществленное по вполне понятному и ожидаемому принципу, который считался по сути оптимальным: все национальные меньшинства должны получить "свой" административно-территориальные образования в рамках данного государства на условиях реального самоуправления.

Но в таком случае нуждаются в пояснении два обстоятельства. Во-первых, создание территориальных автономий оказалось значительно шире предоставления самоуправления национальным меньшинствам (каталонцам, галисийцам и баскам), охватив практически все население Испании и всю ее территорию. Уже в 1983 г. страна представляла собой совокупность не трех (по числу упомянутых меньшинств) и даже не четырех (если к ним

добавить еще и собственно испанцев), а семнадцать автономных образований. Такой она и остается по сей день (с тем дополнением, что несколько позже, в середине 1990-х гг., к означенным сообществам добавились еще две автономные единицы с собственными статутами - испанские города Сеута и Мелилья на североафриканском побережье). Вторых, вновь созданные автономные сообщества не только не совпали с территориями расселения четырех основных народов-этносов Испании, но, напротив, повсеместно разрезали их таким образом, что в пределах целого ряда автономий оказались фрагменты разных этнических ареалов.

Из этого следует, что в основу "автономизации" был положен отнюдь не этнический принцип. Вместе с тем становление автономных сообществ на рубеже 1970 - 1980-х гг. происходило в соответствии с демократической процедурой, заложенной в постфранкистском законодательстве, и опиралось в каждом конкретном случае на инициативу местных (в данном случае провинциальных) выборных органов, закрепленную прямым волеизъявлением населения на референдуме претендующей на автономный статус провинции. Таким образом, эти границы пролегли так, как захотели сами граждане.

В качестве вновь созданных автономных сообществ, помимо Страны басков, Каталонии и Галисии, недвусмысленно заявили о себе давно известные исторические области страны, они же - регионы: Кастилия, Андалузия, Арагон, Валенсия, Наварра, Астурия и др. Все они когда-то были независимы или полунезависимы, вошли в свое время в состав единого испанского государства на определенных договорных условиях, предполагавших разного рода права, вольности и взаимные обязательства, и все со временем лишились этих прав и вообще какой-либо особой административной роли и были вынуждены подчиниться жесткому унифицирующему контролю со стороны центральных мадридских властей. Но когда в конце 1970-х гг. испанским гражданам дали, наконец, возможность высказать свое мнение по поводу наиболее правильного административно-территориального устройства их родины, оказалось, что, по их мнению, главными субъектами нового автономного порядка должны стать давно, казалось бы, ушедшие в прошлое регионы (исторические области).

Поскольку в Испании никогда не было и нет учета и фиксации населения по национальному (этническому) признаку, обратимся для прояснения ситуации к данным по родному языку жителей страны. Несколько автономных регионов находятся целиком в пределах кастильского лингвистического ареала: Андалузия, Эстремадура, Мурсия, Кастилия-Ла-Манча, Мадрид, Риоха, Кантарбия, Канарские острова. По другим же регионам проходит лингвистическая граница между местными языками (каталанским, баскским, галисийским) и кастильским языком. Если в Валенсии в зоне последнего проживает меньшая часть ее населения, то в Арагоне, Наварре, баскской Алаве, Кастилии-и-Леоне, Астурии кастильский является родным для подавляюще-

стр. 112

го большинства жителей. Данный ареал занимает, таким образом, подавляющую часть территории страны, в его границах проживает большинство жителей Испании. Вплоть до недавнего времени он был единственным официальным языком государства.

Как же называют и кем считают себя кастильскоязычные жители Испании? Социологическое обследование 1979 г. выяснило, что в подавляющем большинстве респонденты определялись по родным регионам: 90% опрошенных в Астурии назвали себя "астурийцами", а остальные - "кастильцами", "арагонцами", "мадридцами" и т.д. То же произошло и в других регионах кастильского языка². Но Астурия - регион, состоящий

всего из одной провинции. А вот в Старой Кастилии, например, назвались "кастильцами" 63% опрошенных, тогда как около 30% определились по родной провинции, входящей в данный регион. В Кастилии-Ла-Манче "кастильцев" - 53%, 39% - тех или иных "провинциалов"; в Андалузии "андалузийцев" - 96%, и т.д. Еще более ярко "локализм" в самосознании проступает при самоотождествлении в момент пребывания вне пределов родного региона, но на территории Испании. В этом случае "андалузийцами" называют себя лишь 50% уроженцев региона, зато 36% связывают себя только с провинцией, а 9% - и вовсе с комаркой (небольшой район)³. Примерно то же самое наблюдается и в других регионах.

Справедливости ради нужно сказать, что среди ответов на упомянутые выше вопросы фигурирует и термин "испанцы", но в очень незначительной доле от всей совокупности высказываний. На Канарах так определил себя 1% опрошенных, столько же - в Мурсии, Арагоне, Леоне, Астурии; в Андалузии и Старой Кастилии таких оказалось 2%, и нигде больше эта доля не была превышена. Для жителей кастильскоязычного ареала нет какого-то единого общепризнанного "внеязыкового" термина, который характеризовал бы их как общность и противопоставлял всем остальным гражданам страны, то есть такого, который соответствовал бы нашему пониманию термина "испанцы". Но, может быть, осознание языковой близости сказывается в каких-нибудь иных формах, например, в предпочтениях по отношению к тем, кто говорит на одном с тобой языке? Однако прямая зависимость расположенности к той или иной региональной общности от языка, на котором она говорит, здесь не прослеживается: люди явно руководствуются иными соображениями. В самом деле, для жителей Кастилии, например, наименее приятны валенсийцы, наваррцы, каталонцы и баски, а предпочитают они иноязычных для них галисийцев и балеарцев⁴. А для астурийцев лингвистически чуждые им обитатели Галисии стоят на втором месте по степени предпочтительности, опережая почти всех остальных. Отметим, что почти во всех кастильскоязычных регионах таблицу замыкают либо баски, либо каталонцы. Феномен психологического отторжения двух упомянутых регионов связан, скорее всего, с определенной настороженностью в отношении Каталонии и Страны басков, во многих аспектах противопоставивших себя не только Центру, но в какой-то степени и всем остальным историческим областям. Два указанных региона - это наиболее экономически развитые, наиболее богатые полюсы притяжения бедняков из других частей страны, к тому же олицетворяющие собой постоянную политическую фронтду, претензии на особое к себе отношение, даже угрозу сепаратизма.

Некоторые регионы кастильского языка с давних пор, подобно "национальным окраинам" и одновременно с ними, вели довольно активную борьбу за собственную автономию. Так, автономистские требования Андалузии известны еще в 1880-х гг., а в 1918 г. так называемый Андалузийский конгресс не только публично провозгласил право своего региона на самоуправле-

стр. 113

ние, принял и утвердил областные знамя, герб и гимн, но и поддержал возникшую в начале прошлого века идею существования особого "андалузийского народа", даже более того - потребовал его признания как "национальности". К 1931 г. относится неудачная попытка местных экстремистов создать Свободное Андалузийское государство⁵.

Большую активность проявляли и арагонские автономисты. Имея за плечами опыт борьбы своих предшественников за областные привилегии, в начале XX в. они создали организацию "Арагонский регионалистский союз" и попытались добиться объединения трех провинций, на которые когда-то была разделена территория королевства Арагон (имеется в виду Арагон в узком значении этого термина, без Каталонии, Валенсии и др.

территорий Арагонской короны), то есть сделать то же, что удалось в то время каталонцам, но потерпели неудачу. Однако в 1931 г., на волне антимонархической эйфории, движение испытало новый подъем. Ассамблея экономических корпораций и объединений Арагона приняла тогда решение "вести интенсивную регионалистскую пропаганду по всему Арагону, разъясняя преимущества автономии для формирования действенного регионального сознания"⁶. В 1936 г., с победой Народного фронта, автономистская кампания в регионе достигла кульминации, и в мае того же года специально созванный съезд принял проект автономного статута для Арагона. Но разразившаяся вскоре гражданская война выдвинула на первый план иные проблемы.

Тогда же, в 1930-е гг., заявили о себе и сторонники самостоятельности других кастильскоязычных регионов Испании. В особенности заметны были, помимо названных выше, действия автономистов Астурии и Канарских островов, где собрания представителей местных провинциальных депутатий и муниципальных органов власти также требовали режима самоуправления⁷.

С победой франкизма регионалистские движения в кастильском лингвистическом ареале постигла та же судьба, что и во всех остальных: они были безжалостно разгромлены, все их завоевания уничтожены, многие лидеры и активисты репрессированы. Преследовались и запрещались те местные элементы культуры и общественной жизни, в которых власти усматривали сепаратистский оттенок: некоторые песни, танцы и особенно праздники. Однако ситуация постепенно менялась, и со временем стали появляться свидетельства растущей активности регионалистов в общественной жизни, первоначально по преимуществу в сфере фольклора. В астурийских периодических и специальных изданиях публикуется все больше материалов о народном творчестве жителей Астурии, о судьбах и деятельности ее наиболее видных уроженцев, печатаются произведения региональных поэтов и прозаиков, а также записки побывавших здесь когда-либо путешественников. В 1963 г. возник первый астурийский костюмбристский (воспроизводящий картины народного быта) театр, а в 1966 г. начала почти ежедневно выходить в эфир специальная программа радио г. Овьедо, посвященная местной самобытной культуре. В середине 1970-х гг. общество любителей астурийского фольклора объединяло сотни людей в различных городах и селениях региона. Они проводили конференции, устраивали выставки, лекции и беседы, организовывали танцевальные и хоровые коллективы, а также празднества в традиционном стиле и в ознаменование памятных событий местной истории⁸.

Нечто сходное происходило в Мурсии, хотя и в более скромных масштабах. Здесь усилия ряда деятелей культуры и их сторонников в различных слоях общества были направлены на поддержание традиционных видов ремесленного производства, создание музеев и выставочных залов для демонстрации изделий народных промыслов, на "возрождение и очищение" региональных танца и песни, учреждение постоянно действующих органов для

стр. 114

исследования, культивирования и пропаганды мурсийских обычаев и традиций и проведения ежегодных фольклорных праздников⁹.

Подобное направление общественного интереса обозначилось практически во всех регионах кастильского языка. Его фольклорный аспект отчасти даже поддерживался властями. Но движение отнюдь не замыкалось рамками фольклорной экзотики. Довольно скоро обозначились другие, вряд ли желательные для правителей страны аспекты. Особенно усилились они в середине 1970-х гг. на фоне быстрого демонтажа авторитарной

Речь идет прежде всего о политическом содержании регионализма, которое проявилось уже в 1960-е годы. В 1963 - 1964 гг. на базе незадолго перед тем оформившегося общественного течения за автономию родилась радикальная организация МПАИАК (МРАИАС) - "Движение за самоопределение и независимость Канарского архипелага". Его лидер А. Кубильо заявил о намерениях "освободить Канары от готского (испанского. - А. К.) колониализма", угнетающего "гуанчей" (местных жителей)¹⁰.

Однако подлинное политическое наступление "областничества" началось после 1975 года. В апреле 1976 г. популярный еженедельник обращал внимание общественности страны на яркий феномен - "новый испанский регионализм", проявившийся в возникновении таких организаций, как "Андалузское согласие", "Региональное согласие Кастилии и Леона", в подготовке группами типа "Свободная Эстремадура" и им подобными "Большого эстремадурского съезда", в требованиях создания "Гуанчской республики" на Канарских островах и установления в Астурии автономного режима по типу каталонского, в лозунгах-призывах: "Проснись, Арагон, проснись!" - и т.п.¹¹. В парламентских выборах 1977 г. участвовали партии, объявившие себя регионалистскими. Они ставили на первый план интересы собственного региона. Кое-где им удалось добиться определенного успеха. Так, один депутат-регионалист был избран в парламент страны от Арагона¹², 6,5% (около 18 тыс.) голосов получил блок "Объединенный канарский народ", включавший сторонников независимости от Испании. В Андалузии за партии, олицетворявшие "чистый автономизм", высказалось около 300 тыс. избирателей¹³.

Государственная власть и общество в целом, в том числе практически все основные общегосударственные партии, круто меняли привычный курс, поворачиваясь лицом к "областническим" требованиям. Сразу после выборов премьер-министр страны А. Суарес рекомендовал депутатам от своей партии-победительницы быть большими автономистами, чем кто-либо другой¹⁴. А королевский закон-декрет, утверждавший предварительную автономию для Каталонии, содержал в своем тексте разъяснение, что предоставляемый статус отнюдь не является исключением и может быть получен другими регионами, которые того захотят. Это вызвало большой энтузиазм и массовые выступления по всей стране. Начались переговоры о предоставлении временных статусов самоуправления, которые и были утверждены еще до ввода в действие новой Конституции. 10 марта 1978 г. их получили Арагон и Канарские острова; 19 апреля 1978 г. - Андалузия, Кастилия-и-Леон, Эстремадура; 25 августа 1979 г. - Астурия, Кастилия-Ла-Манча, Мурсия¹⁵.

Что касается общегосударственных политических партий, то во многих из них выделились "региональные секторы". К аббревиатурам их названий стали добавлять первую букву названия данного региона. Кое-где эта буква заменила стоявшую там до того литеру "E" (Espana)¹⁶.

Новая Конституция подтвердила право на автономию для всех регионов, и к маю 1983 г., хотя и не без трудностей, конфликтов и даже попятных движений, вызванных колебаниями правительственной политики, процесс

завершился. Практически вся территория страны, за исключением ее североафриканских владений, оказалась поделена границами автономных сообществ, в том числе и кастильскоязычный ареал, раздробленный теперь на дюжину "участков" различного размера. При этом произошло существенное перераспределение территории на уровне

регионов, так что новая карта автономных сообществ уже не соответствовала прежней карте регионов: какие-то из провинций отделились от тех регионов, куда они входили прежде, и получили самостоятельный автономный статус; другие же, наоборот, объединились и составили куда более крупные образования, чем прежние регионы (так возникли автономные сообщества с двойными названиями). Хотя статусы отдельных автономий различаются между собой по тем или иным позициям и прерогативы, перешедшие от центральной власти ко вновь созданным сообществам, также различны, в Испании нет какой-то официально оговоренной иерархии статусов, в соответствии с которой, к примеру, регионы "национальных меньшинств", с одной стороны, и кастильского языка - с другой, оказались бы на разных уровнях.

Не менее любопытно и движение, возникшее в пределах кастильскоязычного ареала и направленное на культивирование местных, региональных лингвистических форм. То обстоятельство, что кастильский язык распадается на ряд диалектов, широко известно, но вряд ли можно было ожидать, что возникнут серьезные претензии на повышение их статуса до уровня полноценных самостоятельных языков и превращение их в основное средство коммуникации в данном регионе. Так, в Астурии в 1974 г. заявила о себе группа "Консейу бабле" - организация, занимающаяся изучением и распространением астурийской разновидности кастильской речи ("бабле"). Ее члены организовали подготовительные языковые (хотя, может быть, правильнее было бы сказать "диалектальные") курсы астурийского языка в городах региона - Овьедо, Хихоне, Авилесе и Лангрео. Вышел первый кастильско-астурийский словарь, затем - книга "Бабле и регионализм". Академик-лингвист Э. Аларкос заявил на открытии второй Ассамблеи бабле в декабре 1975 г. (Овьедо), что "нынешнее развитие бабле ставит на повестку дня необходимость его введения в школьное обучение". За его преподавание в школах было собрано 30 тыс. подписей среди выходцев из Астурии в других частях Испании и за границей. Энтузиасты из "Консейу", пополняя свои ряды единомышленниками из разных слоев общества, в том числе из университетских кругов, активизировали деятельность за постоянное и повсеместное употребление бабле в Астурии, за письменность на нем, против представлений об астурийском как о "деревенском наречии" и, в конечном счете, за признание его официальным наряду с кастильским.

В основу "нормализации", то есть создания литературной, универсальной модели был положен вариант, используемый жителями индустриальных центров Астурии. Теоретическим обоснованием претензий на самостоятельный статус стал тезис о возникновении бабле непосредственно из народной латыни¹⁷. Пять тысяч участников манифестации под астурийским знаменем в июне 1976 г. в г. Хихоне требовали, наряду с автономией Астурии, бабле для школ этого региона¹⁸. Тогда же целый ряд организаций регионалистского толка, включая и те, что объединяли уроженцев Астурии за ее пределами, создали федерацию для совместной борьбы во имя интересов своей региональной родины, ее автономии, ее языка. Письмо-декларация с сообщением об этом в редакцию центрального журнала было написано по-астурийски и в таком виде опубликовано¹⁹. В другом письме в том же издании можно было прочесть требование называть Астурию на родном языке ее обитателей - не Asturias по-кастильски, а Asturias на бабле. По некоторым оценкам, в 1976 г. на астурийском говорило около 80% жителей региона²⁰.

Варианты того же диалекта бытуют в некоторых районах Леона (леонес) и горной Кантабрии (монтаньес). Интерес к ним в последние десятилетия начал возрастать, причем не только научный, но и общественный. Заговорили о своеобразии мурсийского диалекта (так называемого "паночо"), испытавшего влияние как арагонских, так и валенсийских

форм речи²¹. Особенно большую поддержку населения получило движение за возрождение арагонеса - в прошлом, по утверждениям его защитников, самостоятельного языка, первые тексты на котором появились еще в XIII веке. В дальнейшем в результате наступления кастильского языка арагонес был оттеснен в северную, пиренейскую часть Арагона. Еще в 1920-е гг. на нем говорили около 100 тыс. человек, однако полвека спустя это число сократилось до 8 - 10 тысяч²². Отступление арагонеса продолжалось, его ареал утратил свою целостность, отношение со стороны многих местных жителей к нему было пренебрежительным, и "уже никто не верил, что арагонес переживет хотя бы одно поколение, когда возник журнал "Renaxedura" ("Возрождение". - А. К.) и в 1971 г. вышли три книжки на арагонском языке"²³. Все больше людей хотели овладеть уникальной речью своей "малой родины" и шли на специально организованные энтузиастами курсы. Для обучения стали использоваться также пресса и радио. Возник Совет по проблемам арагонского языка²⁴.

Таким образом, во многих регионах кастильского языка заметным явлением общественной жизни стали альтернативные языковые движения, очевидно составлявшие часть более широких течений - за утверждение и укрепление областной самобытности, консолидацию местного населения как региональной общности. В обществе происходила переоценка ценностей в языковой сфере, в результате которой поднимались на щит те локальные формы, которых еще недавно стыдились и считали признаком бескультурья или низкого социального статуса. В Андалузии появилась тенденция защищать особенности андалузийского произношения, своеобразие местной фонетики²⁵. Крайние формы приняла на Канарах деятельность некоторых сторонников политического самоопределения, которые, по сообщениям их противников, в своих политических целях пытались воссоздать и использовать слова из языка древних обитателей архипелага (гуанчей), еще в Средние века истребленных, вымерших или ассимилированных завоевателями.

По материалам исследований 1979 г., число сторонников сохранения унитарной организации государства составляло: в Астурии - 19%, Старой Кастилии - 32, Андалузии - 29, Мурсии - 41, Эстремадуре - 43%. Доля приверженцев независимости здесь колебалась от 1 - 2% в Старой Кастилии и Леоне до 7% в Астурии. Повсюду за ту или иную степень самостоятельности своего региона - от автономии до независимости - высказывалось большинство его жителей. Эти цифры оказались вполне сопоставимы с полученными тогда же в ареалах "национальных меньшинств". Так, в Галисии сторонников централизма было 29%, "автономистов" - 50, "федералистов" - 14, "независимцев" - только 4%²⁶, а на Балеарах сторонников независимости в то время было еще меньше (2%).

Вот как видел ситуацию в родном регионе севильский этнолог И. Морено Наварро: "Процесс обретения андалузийским народом сознания своей этнической специфики продолжает нарастать, несмотря на все препоны. Необходимо вести изучение социально-культурной действительности Андалузии", а также глубоких корней ее культурной самобытности, процесса становления местного самосознания, которое он определяет как "этническое", с тем, чтобы внести "вклад в независимое, свободное и справедливое будущее Андалузии..."²⁷. В другой своей работе автор доказывает, что особый исторический путь, пройденный за века населением Андалузии, привел к формиро-

---

ванию особого народа со своей специфической культурой. Андалузийский народ в ходе многотысячных демонстраций под бело-зеленым знаменем "исторического андалузизма" в конце 1970-х гг. решительно высказался за политическую автономию как средство решения серьезных экономических, социальных и культурных проблем и тем самым "сознательно подтвердил свое коллективное своеобразие". Однако И. Морено не

довольствуется утверждением об "этнической самобытности" андалузийцев, он считает правомерным говорить об их "национальном" статусе. Произошла, как он считает, следующая эволюция: то объективное своеобразие, которое сложилось исторически и является присущим населению региона, долгое время не осознавалось в должной степени; в массах существовало лишь достаточно аморфное чувство "принадлежности к некой слабо определенной общности". Однако со временем это чувство перешло в осознание своей "этничности", и тогда элементы специфики приобрели для группы символическое значение. Когда же эта группа ясно выразила свое желание эффективно участвовать в решении касающихся ее вопросов, стало возможным говорить о "политической нации", при этом "неважно, располагает ли она собственным государством и обладает ли тем или иным уровнем самоуправления"²⁸.

Процесс обретения "национального самосознания", становления в Андалузии "националистического движения" (терминология И. Морено и его единомышленников) активизировался в 1910-е гг., когда и появился лозунг: "Да здравствует свободная Андалузия!" Но вовлечение в процесс широких слоев населения произошло гораздо позже, в 1960 - 1970-е гг., в условиях массовой миграции из региона в промышленные области и за рубеж. И вот там - в других районах Испании и за границей - "в контакте с другими народами и другими культурами, отличными от его собственной", андалузийский мигрант обнаружил, что его опыт и реакции на внешние проблемы хотя и имеют некоторые универсальные черты, обусловленные принадлежностью к рабочему классу, обусловлены еще и "особыми чертами, сформированными собственной андалузийской культурой". Вне своего региона, будь то в Испании или в зарубежных странах Западной Европы, "трудящиеся из различных андалузийских комарк и селений" чувствуют себя уже не "севильцами", "кордовцами" и т.д., а "прежде всего андалузийцами", членами коллектива, характеризуемого не только слаборазвитостью и зависимостью от мадридских властей их "малой родины", но и "культурными чертами, определенной позицией, формами проявления опыта и специфическим пониманием мира"²⁹.

В процитированных строках выражена суть концепции "андалузийского движения", - вот только как это движение назвать? Областным? Этническим? Национальным? Чего не хватает нам в приведенных выше положениях, чтобы согласиться с автором? Что нам мешает сделать это? Наверное, только усвоенная когда-то уверенность в том, что перед нами всего лишь областная группа "собственно испанцев", - да еще отсутствие в данном случае какого-то особого андалузийского языка. Но, во-первых, мы уже упоминали о попытках узаконить особенности местной фонетики и других специфических черт андалузийского диалекта; во-вторых, вспомним опять же латиноамериканские народы: их язык - тоже кастильский в своей основе, и культурно-демографический "костяк" при их становлении тоже во многих случаях составляли потомки выходцев из кастильскоязычных областей Испании, а прочие элементы были достаточно разнородны.

Концепции, сходные с только что изложенной в связи с Андалузией, существуют и в других кастильскоязычных регионах страны, хотя степень их влияния на население различна. Так, астурийские этнографы видят смысл своей работы, помимо прочего, в том, чтобы собирать, изучать и передавать

новым поколениям остатки традиционного астурийского культурного достояния. Ведь "возвратить астурийскому народу его фольклор - считают они - значит оживить его традиционный дух, находящийся в упадке и готовый исчезнуть"³⁰. На Канарских островах даже местные политические силы центристской ориентации "признали, что особенности Архипелага, его географическое положение фактически превратили его в национальность с

вытекающими отсюда политическими и административными последствиями"³¹.

Есть региональные группы в ареале кастильского языка, которые до последнего времени не настаивали на том, что принадлежат к особым "национальностям". К примеру, об эстремадурцах некоторые исследователи пишут, что те еще недавно не проявляли яркого локального самосознания. Однако саму тенденцию к местной обособленности отрицать не приходится независимо от того, принимает ли она "этнические" формы или игнорирует их. Регионализм всех кастильскоязычных исторических областей, в какой бы форме он ни проявлялся, противопоставляет каждый данный регион всему остальному общегосударственному комплексу, всем остальным регионам, вместе взятым. Отсутствует та инстанция, то промежуточное звено, в существовании которого мы до сих пор не сомневались: кастильскоязычное единство, та самая, сознающая себя как целое, как нацию, совокупность "собственно испанцев". Такой общности нет ни в самосознании, ни в самоназвании, ни в каких бы то ни было иных формах и проявлениях.

С тем обстоятельством, что кастильскоязычное население разных регионов вовсе не воспринимается в общеиспанском контексте как единое целое, приходится сталкиваться едва ли не всякому, кто имеет дело с Испанией. Так, американские поставщики легковых автомобилей на местный рынок вдруг обнаружили, что далеко не всякая буква годится для номера предлагаемой ими машины, изображенной на размещаемых здесь рекламных плакатах, и необдуманный выбор неизбежно создаст трудности в реализации: буква "М" отвратит каталонцев, так как ассоциируется с Мадридом, буква "В" вызовет негативные чувства у жителей центральной Испании, так как связана в их сознании с каталонской Барселоной (Barcelona), - и т.д. Перед нами как будто очевидное проявление "межэтнических противоречий". Но после специального экспресс-исследования в рекламе появилась буква "Z", поскольку выяснилось, что обозначение столицы Арагона Сарагосы (Zaragoza) не помешает торговле - при том, что Сарагоса является одним из крупнейших городов кастильскоязычного ареала³².

Завершая этот "региональный обзор" в пределах кастильскоязычного ареала, нельзя не задержаться на самой Кастилии, жители которой, воспринимавшиеся всегда как олицетворение Испанского государства, и должны были бы, очевидно, быть ядром "собственно испанской" общности (если бы она существовала). Однако информация в центральной печати из этого региона в бурные для Испании 1970-е гг. по сути мало чем отличалась от репортажей с традиционно мятежных окраин. Так, весной 1976 г. в местечке Вильялар (провинция Вальядолид, Старая Кастилия) собралось несколько сотен местных жителей и приезжих из разных концов области для создания общественной организации по изучению ее проблем - так называемого Регионального Кастильско-Леонского института. Власти запретили сборище, а когда оно все же состоялось, рассеяли участников с помощью конной полиции. Манифестанты, сопротивляясь, распевали хором "областные" песни³³.

Движение успешно завершилось предоставлением кастильским и леонским провинциям, по их совместной договоренности, общего автономного статуса (возникло автономное сообщество Кастилия-и-Леон). Однако вскоре после этого началась борьба теперь уже против "вальядолидского централиз-

---

ма" (кастильский город Вальядолид стал столицей новой автономии) части леонского населения во главе с алькальдом города Леона за выход из только что созданного единого образования и обретение самостоятельного статуса. Мы не будем касаться перипетий этого

движения, хотя они довольно интересны и включали походы на Вальядолид, срывание "сепаратистами" флагов автономного сообщества во время торжественных церемоний и множество других скандальных акций. Остановимся только на обосновании самобытности населения Леона, дающей ему право, по мнению идеологов "леонизма", на собственный автономный режим. Здесь прежде всего упоминается фольклор, затем - особенности языка, своеобразные обычаи, потом - специфика экономики и т.д.³⁴.

На основании всего сказанного можно констатировать отсутствие в природе общности, которая известна в нашей литературе как "испанский народ-этнос", или "собственно испанская нация". Не найдем мы указаний на нее и в работах испанских авторов, равно как и в административно-политических установках и практических действиях испанского государства ни во франкистскую эпоху, ни до нее, ни после.

Примечания

1. СЕМЕНОВ Ю. И. Этнос, нации, расы. <http://scepsis.ru/librare/id>.
2. GARCIA FERRANDO M. Regionalismo y autonomfa en Espana, 1976 - 1979. Madrid. 1982, p. 206.
3. Ibid., p. 131.
4. Ibid., p. 94.
5. GISPERT C., PRATS J.M. Espana: un estado plurinacional. Barcelona. 1978, p. 120.
6. LOPEZ RODO L. Las autonomias, encrucijada de Espana. Madrid. 1986, p. 15.
7. Ibidem.
8. PEREZ DE CASTRO J.L. Los estudios de folklore en Asturias. Gijon. 1984, p. 62 - 72.
9. Artes y costumbres populares de la región de Murcia. Murcia. 1983, p. 161.
10. Cambio 16.1976, N 213, p. 21.
11. Op. cit, N 229, p. 30 - 31.
12. GRAS S. et Ch. La revoke de regions d'Europe occidental de 1916 a nos jours. P. 1982, p. 201.
13. Cambio 16.1977, N 290, p. 3; N 291, p. 20.
14. Ibid., N 291, p. 19.
15. VILAR S. La decada sorprendente, 1976 - 1986. Barcelona. 1986, p. 110.
16. MORENO NAVARRO I. La identidad andaluza: pasado y presente (una aproximacion

antropologica). Andalucía. Sevilla. 1986, p. 256.

17. Cambio 16.1976, N 214, p. 44.

18. Ibid., N 261, p. 49.

19. Ibid., N 234, p. 94.

20. GISPERT C, PRATS J.M. Op. cit., p. 40.

21. Ibid, p. 180.

22. Ibid, p. 170.

23. Cambio 16.1976, N 261, p. 49.

24. Ibidem.

25. GISPERT C, PRATS J.M. Op. cit., p. 177.

26. GARCIA FERRANDO M. Op. cit., p. 339.

27. MORENO NAVARRO I. La antropología cultural en Andalucía: estado actual y perspectiva de futuro Antropología cultural de Andalucía. Sevilla. 1984, p. 103 - 105.

28. MORENO NAVARRO I. La identidad andaluza..., p. 253, 257, 259.

29. Ibid., p. 281 - 282.

30. PEREZ DE CASTRO J.L. Op. cit., p. 74.

31. Cambio 16.1980, N 467, p. 39.

32. Newsweek. 9.IV.1986.

33. Cambio 16.1976, N 230, p. 6.

34. Op. cit., 1986, N 779, p. 10.